

Глобальный суверенитет и моральная деградация войны

© 2020 г.   Б.Н. Кашников

*Национальный исследовательский университет “Высшая школа экономики”,
Москва, 101000, ул. Мясницкая, д. 20.*

E-mail: bkashnikov@hse.ru

Поступила 12.09.2019

Происходящая трансформация войны, о которой много пишут в современной литературе и которая происходит на наших глазах, отличается от прежних трансформаций не только своими масштабами, но и своим характером и своей глубиной. Эта трансформация сопоставима лишь с той глубинной трансформацией, которая имела место в начале эпохи модерна и привела к возникновению суверенных государств. В основе современной трансформации лежит процесс формирования глобальной суверенной власти. Главное изменение, которое с этим связано, заключается в том, что меняется моральная составляющая войны. Автор настоящей статьи предпринимает попытку не только определить эту моральную составляющую, но и дать ей этическую оценку. Война, как и всякое моральное действие, может быть оценена посредством таких характеристик, как мотивы, средства, смысл и цели. Взвешенная оценка этих основных параметров современной войны позволяет сделать вывод о ее моральной деградации. Деградация выражается не только в неразумности мотивов, бесчестности средств, отсутствии значительных смыслов, но и в невозможности победы в новой войне, а главное в том, что сама война приобретает абсолютный характер и становится перманентной. Необходимы новые концептуальные формы осмысления моральной составляющей войны, поскольку современная западная теория справедливой войны не может решить эту задачу.

Ключевые слова: война, справедливость, суверенитет, теория справедливой войны, мотивы войны, военная этика, цели войны, победа, мир.

DOI: 10.21146/0042–8744–2020–2–14–25

Цитирование: *Кашников Б.Н.* Глобальный суверенитет и моральная деградация войны // Вопросы философии. 2020. № 2. С. 14–25.

Global Sovereignty and Moral Degradation of War

© 2020 Boris N. Kashnikov

National Research University "Higher School of Economics",
20, Myasnikitskay str., Moscow, 101000, Russian Federation.

E-mail: bkashnikov@hse.ru

Received 12.09.2019

The ongoing current transformation of war is different from the transformations of the past not only in scope, but also in its meaning and profoundness. This transformation is comparable only to the profound transformation, which was taking place at the dawn of Modernity and led to the emergence of the sovereign states. The contemporary transformation is triggered by the tectonic shift in the forms of political sovereignty, the emergence of the global sovereign authority. The most important change, related to this transformation is the change in the moral content and meaning of war. The author of this article provides ethical description and evaluation of this change. This goal is accomplished through the normative characteristic of motives, means, goals and meanings of war. The ethical analysis of the major characteristics of war makes it possible to claim that the ongoing moral degradation of war is taking place. This degradation derives not only from the predominantly unreasonable motives of the contemporary war, the lack of proper honor and courage, but also from the very impossibility of victory in the proper sense of the term in the new war. War becomes absolute and permanent. We need some new conceptual tools to grasp the new moral reality of war, since the dominant just war theory is hardly of any use in this regard.

Keywords: war, justice, sovereignty, just war theory, motives of war, military ethics, goals of war, peace.

DOI: 10.21146/0042-8744-2020-2-14-25

Citation: Kashnikov Boris N. (2020) "Global Sovereignty and Moral Degradation of War", *Voprosy Filosofii*, Vol. 2 (2020), pp. 14–25.

Введение

В отличие от иных форм массового насилия война требует куда более солидного морального обоснования, и успех в войне обозначается нормативным термином «победа». Кант в своей «Критике способности суждения» отмечал, что при определенных обстоятельствах войне нельзя отказать в «возвышенности». Войну, лишенную моральных идеалов и смыслов, ничем уже нельзя отличить не только от террора и геноцида, которые тоже не лишены своей своеобразной моральной метафизики, но и о простой взаимной бойни. Война, которая не знает ни романтики, ни рыцарства, ни субъекта, ни победы, ни даже различия между комбатантом и некомбатантом, всегда представлялась как последний предел моральной деградации. В истории человечества войны нередко подступали весьма близко к такому пределу. Однако деградацию войны следует отличать от утраты войной морального содержания. Считается, что с конца XIX в. мир приблизился к «расколдованной» войне, лишенной моральной составляющей¹. Эта расколдованная война представляет собой не более чем частный случай расколдованного мира, мира бездушной, технологической рациональности, предсказанного Максом Вебером. Вебер имел в виду неуклонный процесс возрастающей рациональности современной жизни, которая не оставит места иным формам нормативности, включая мораль.

Моральная деградация войны, о которой говорится в этой статье, представляет собой иной процесс, нежели то, что можно было почерпнуть из веберовского представления о расколдованном мире. Я полагаю, что заколдованный мир не был так уж сильно расколдован. В особенности не была расколдована война, хотя бы по той причине, что героическое усилие народа, пусть и в механизированной войне масс, равно как и магия великой победы, продолжали сохранять свою моральную силу и притягательность, несмотря на все ужасы механизированного истребления. По этой причине то, что Кокер называет «вторичным заколдовыванием войны», не меняет существа дела [Coker 2004]² по двум причинам: во-первых, война так и не была расколдована, во-вторых, даже если технологии изменят характер деятельности субъекта и вернут ему элемент творчества и свободы выбора, это не изменит характера мотивов, средств, целей и смыслов. Даже вновь заколдованная война может остаться войной, лишенной значительной моральной составляющей, пусть и приобретшей элемент игры. Речь в этой статье не о том, была ли война расколдована или нет. Речь идет не об утрате морального содержания, а о его деградации. Что может стоять за этим? Возможно, речь идет о войне постмодерна, которая приходит на смену войне модерна. Меня беспокоит только то, что туманные очертания приближающейся войны постмодерна очень напоминают войну домодерна и в них угадываются все признаки объективной деградации, но, повторяю, не отсутствия морали как таковой. Эти признаки угадываются на всех основных уровнях морального действия, каковым также является и война, а именно, на уровне мотивов, средств, целей и смыслов.

Глобальный суверенитет и трансформация войны

Моральная трансформация войны, которую я имею в виду, представляет собой частный случай общего процесса трансформации войны. Трансформация войны является, разумеется, неотъемлемой частью самой природы войны, которую Клаузевиц сравнивал с хамелеоном за ее способность постоянно меняться [Клаузевиц 1934]. Современные авторы, которые писали об этой трансформации, подчеркивали различные стороны неуклонного изменения войны. Например, Ван Кревельд видит трансформацию войны в том, что войны ведутся не между государствами, но между этническими группами и ведут их не армии, но террористы, бандиты и уголовники. Барбара Эренрейх [Ehrenreich 1997] полагает, что современные войны более спонтанны и менее организованы. Мэри Калдор [Kaldor 2012] считает, что политика идентичности в контексте глобализации является источником современных войн, которые ведут местные кланы и наемники, и в этом ее главная особенность. Джон Мьюэллер [Mueller 2004] вообще считает, что война превращается в атавизм, поскольку растущее отвращение к войне делает ее невозможной.

Нисколько не отрицая ценность подобного рода исследований, мне хотелось бы заметить, что нынешняя трансформация войны представляет собой куда более глубокий процесс и связан он, как и все достаточно глубокие трансформации прошлого, с трансформацией форм суверенитета. Война суверенных государств сменила войну феодальных князей. Та, в свою очередь, пришла на смену войн великих империй. Войнам империй предшествовали войны банд охотников и собирателей [Gat 2006]. На каждом из этих этапов изменение форм суверенитета влекло за собой кардинальное изменение мотивов, методов, средств и целей войны. Современная трансформация войны именно потому и является значительной, отличной от множества мелких и постоянных изменений, что представляет собой сопутствующий процесс перехода к новой форме суверенитета, соответствующей эпохе постмодерна. Хардт и Негри полагают, что традиционная форма суверенитета не является ныне господствующей. «Традиционно война понималась как вооруженный конфликт между суверенными национальными государствами. В той мере, в какой суверенный авторитет национальных государств, даже доминантных национальных государств, снижается и на смену ему приходит супра-национальная форма суверенитета, глобальная Империя, необходимо

изменяются также сама природа войны и политического насилия» [Hardt and Negri 2004, 3]. Более того, прежние государства, даже наиболее могущественные, находятся в состоянии упадка. Даже США, государство, являющееся движущей силой новой «сетевой» формы глобального суверенитета, находится в состоянии упадка как государство.

Эта новая форма глобальной империи с центром в США ни в коем случае не является последней и единственно возможной формой подобной глобальной империи. За господствующей формой следуют иные, менее могущественные разношерстные претенденты на глобальное господство, из которых ИГИЛ является наиболее известной. Кроме того, в качестве зеркального отражения процесса глобализации появляются многочисленные вооруженные носители «регионального суверенитета», столь же нетрадиционные, как и сам региональный суверенитет. Мэри Калдор [Kaldor 2012] полагает, что именно эта война, война между противниками и сторонниками глобализации, составит главное содержание будущих войн. В немалой степени эти новые войны сами по себе являются следствием разрушения прежних форм суверенитета национальных государств, происходят на развалинах этих государств и являются в свою очередь следствием разрушительных сил глобализации. Наряду с войнами этих трех главных акторов (два глобальных актора альтернативной глобализации и разношерстные силы «партикуляризма») сохраняют свое влияние и некоторые из более традиционных военных сил прежних национальных государств, из которых Россия и Китай являются наиболее значительными.

Из всех этих разновидностей современных войн предметом моего внимания является война, осуществляемая силами глобального суверенитета, понимаемая нередко как война за глобализацию, цивилизацию и мультикультурализм, которая совпадает, хотя и не полностью, с войной единственной супердержавы, выступающей в качестве главной движущей силы глобализации. В этой войне США принадлежит тройственная роль: национального государства, супердержавы и становящейся глобальной сетевой империи. По этой причине эта война является наиболее показательной и в значительной мере определяет природу войны как таковой в современном мире, тем более, что все или почти все войны современности происходят при прямом или косвенном участии США. Но дело не только и не столько в США. Роль главной движущей силы может перейти и к другой стране и даже не только к стране. Современная война, разумеется, сильно отличается по всем параметрам от классической модели войны Клаузевица. Прежние войны были продолжением политики иными средствами и потому осуществлялись в рамках политической необходимости. Они были симметричными и достаточно сдержанными. Абсолютная война была скорее исключением, нежели правилом.

Напротив, войны глобального суверена это всегда асимметричные войны [Gross 2010]. Это войны, в которых терроризм становится неизбежен. Во-первых, по той причине, что противник изначально и заведомо рассматривается как террорист, т. е. носитель зла и ни в коем случае не рассматривается как «честный» и равный противник, но скорее как пират, бандит, «несправедливый комбатант». Во-вторых, по той простой причине, что у этого противника просто не остается иных средств борьбы с превосходящими его силами, в условиях асимметричной войны. В-третьих, потому что в условиях демократии ответственность за принимаемые решения вести асимметричные войны ложится напрямую на демократические массы, которые к тому же нередко получают садистское удовлетворение от ощущения своей силы, что делает тактику террора отчасти оправданной.

Но самое главное это то, что новые войны нового глобального суверена, выходят за сферу политического. Они даже не обязательно вызваны политикой. Они не являются продолжением политики иными средствами. Скорее, наоборот, политика является теперь продолжением войны иными средствами. Цели этой войны могут включать, но не обязательно включают в себя цели политические. В их числе могут быть следующие цели: подавить силы террора, открыть глобальные рынки, продать и произвести вооружения, сплотить внутренние силы, сменить режим, осуществить гуманитарную интервенцию, поддержать новые ценности. Войны становятся средством поддержания

самого порядка вещей, а не досадным перерывом состояния мира. Хардт и Негри утверждают: «Иными словами, войны становятся общей матрицей всех отношений власти и техник доминации, не важно, кровопролитных или нет. Война стала режимом биовласти, иными словами, формой управления, направленной не только на контролирование населения, но на производство и воспроизводство всех аспектов социальной жизни» [Hardt and Negri 2004, 13].

При этом война глобального суверена⁵ является абсолютной по той уже причине, что противник глобализации это всегда преступник, который противится самой справедливости и потому заслуживает полного уничтожения и не признается в качестве законного комбатанта. Война тем не менее является сдержанной. Но не потому, что вражда не является абсолютной, а потому, что сдержанность имеет иные, неполитические и чисто стратегические цели. В условиях глобального суверенитета, чрезмерный вред есть вред самому себе. По этой причине из всех средств ведения войны предпочтительным средством становится точечная ликвидация.

Подобная трансформация войны неизбежно предполагает и моральную составляющую, которая выступает едва ли не важнейшей стороной всего этого процесса, и которую я ниже рассмотрю на четырех уровнях, а именно на уровне мотивов, средств, смыслов и целей.

Мотивы войны

Многие мотивы могут стоять у истоков войны государств. Фукидид полагал, что они сводятся к четырем основным: интерес, безопасность, достоинство и честь. Именно их берет за основу и подробно исследует Нед Лебоу в своем классическом труде о причинах войн [Lebow 2010]. Четыре вышеперечисленных разумных мотива могут легко переходить в свою неразумную противоположность и превращаться в страх, жадность, хюбрис (высокомерие, необузданность) и злобу. Большинство войн, которые вело человечество, были весьма неразумны и со времен Фукидида они не стали заметно лучше. Механизм деградации был понятен уже Платону. В основе всех четырех мотивов лежат три основные движущие силы, которые соответствуют свойствам трех основных классов любого общества: разумное начало (свойство правителя), яростное начало (свойство воинов) и возделующее начало (свойство масс). Можно предположить, что, смешиваясь в разных пропорциях, они и образуют то, что называется интересом или жадностью, честью или хюбрисом, достоинством или злобой⁴. Мотивы войны несут на себе отпечаток классовых и культурных противоречий и далеко не всегда разумны, то есть соответствуют подлинному интересу и безопасности, достоинству и чести социума.

Можно утверждать, что мотивы войны, обнаруженные единственной супердержавой начиная с конца 1990-х гг., являются в высшей степени неразумными и противоречат тому, что можно было бы считать интересом, безопасностью, достоинством и честью этой страны. Это очевидно как из фактических военных действий, так и из красноречивого документа под названием «Стратегическая оборонная инициатива США» (American National Security Strategy – NSS), или «Доктрина Буша». Доктрина была официально провозглашена в сентябре 2002 г., и, несмотря на некоторые косметические изменения, ее дух сохраняется вплоть до настоящего времени, неважно сохраняется ли она в качестве официальной военной доктрины или нет. Доктрина представляет собой свидетельство, какого рода войны предстоит вести США. Это главным образом войны превентивные, направленные не столько против действительных, сколько против назревающих угроз всемирной гегемонии США. Превентивная война противоречит 51-й статье Устава ООН и общепринятым принципам и нормам ведения войны, в особенности принципам «правого дела» и «добрых намерений». Сама природа превентивной войны обнаруживает наличие у ее инициатора неразумных мотивов жадности, страха, хюбриса и мстительной злобы в различных пропорциях.

США более не намерены позволить своим противникам нанести первый удар: «Америка будет действовать против назревающих угроз, прежде чем они окончательно созреют». Превенция, таким образом, становится правилом: «Мы сломим противника тогда, там, таким образом, как мы сами сочтем нужным – в соответствии с условиями будущей безопасности» [National Security Strategy of the United States of America web]. Недвусмысленным образом здесь говорится о том, что суверенитет стран, представляющих угрозы, не будет приниматься во внимание. «Проблемные государства» определяются как враждебные интересам США. США должны ликвидировать наиболее опасные вызовы, заблаговременно, до того как они заявят о себе. Доктрина превентивной войны обнаруживает само существо так называемого глобального суверенитета.

Подобные мотивы проявили себя во всех недавних войнах. Война в Ираке 2003 г. была мотивирована главным образом неразумным страхом. Бессмысленная война в Афганистане была не чем иным как проявлением мстительной злобы. Война против Сербии в 1999 г. была очевидным проявлением смешанных чувств хюбриса и жадности. Недавние войны в Ливии и Сирии обнаруживают хюбрис. Многие известные эксперты давали подобные характеристики моральной составляющей военной мотивации США. Например, Жан Бодрийяр утверждает: «Настоящая победа терроризма заключается уже в том, что он вверг весь Запад в состояние страха за безопасность – иначе говоря, в завуалированную форму постоянного террора» [Baudrillard 2003, 81]. Джон Мьюзллер полагает что многие из чрезмерных форм подобного алармизма неразумны и граничат с истерией [Mueller 2004]. Пол Верильо объясняет обращение к превентивной войне не иначе как одержимостью страхом: «Превентивная война Джорджа Буша является актом паники Пентагона. Превентивная война есть война, проигранная заранее. Осуществлять превентивную атаку означает быть неуверенным в себе. Америка и ее чрезмерная сила являются в действительности бессильными перед лицом новых стратегических событий» [Benoist 2013, 23].

Тот факт, что все эти иррациональные или непродуманные мотивы определяют военную политику глобального суверена, не является простым совпадением или случайностью, но закономерным процессом, вытекающим не столько из соблазна глобального господства, сколько из неопределенности положения США, выступающих как в роли глобального суверена, так и в роли национального государства. Неопределенность выражается в преобладании низменных мотивов, а не разумных мотивов интереса, безопасности, достоинства и чести, свойственных национальному государству. Поскольку война становится перманентной, мотивы теряют значение, точнее, теряют значение мотивы суверенного государства, приобретают значение еще неясные и неопределенные мотивы глобального суверена. Противоречие этих двух мотиваций наиболее очевидно во внешней политике США, но далеко не только США.

Иллюзорный статус глобальной суверенной власти препятствует действию разумных мотивов и даже принципов ограниченной войны. Глобальный суверен выглядит завистливым, запуганным, злобным и ревнивым. Его войны в свою очередь теряют значительную часть своей нормативной силы, несмотря на все усилия официальной пропаганды. Впрочем, это происходит лишь по той причине, что мы пока не проводим различия между собственно глобальным сувереном с его сетевой формой власти, покоящейся на межнациональных корпорациях и единственной супердержавой, как представителя этого суверена.

Средства войны

Средства и методы имеют большое значение для любой войны и являются предметом моральной оценки. В этом разделе я остановлюсь на нормативной стороне средств и методов современной войны. Ведение войны может более или менее соответствовать или, напротив, противоречить нормам, каковы бы они ни были. Моральная возвышенность войны и ее отличие от других форм массового насилия, таких как геноцид или терроризм, связаны с мифом благородного воина, который следует добродетелям

стойкости, мужества и чести. Я полагаю, что эти добродетели становятся неуместны в современных войнах, в особенности в войнах за глобальный суверенитет. Граждане единственной супердержавы попросту не замечают войны, которая не навлекает на них никакого особого риска или тягот, и таким образом, одна из кантовских сдерживающих сил войны более не действует. «Если (иначе и не может быть при таком устройстве) для решения вопроса: быть войне или нет? – требуется согласие граждан, то вполне естественно, что они хорошенько подумают, прежде чем начать столь скверную игру, ведь все тяготы войны им придется вязать на себя – самим сражаться, оплачивать военные расходы из своего кармана, в поте лица восстанавливать все разоренное войной – в довершение всех бед навлечь на себя еще одну, отравляющую и самый мир, – никогда (вследствие всегда возможных новых войн) не исчезающее бремя долгов» [Кант 1994, 378–379]. Демократическая общественность в асимметричной войне вполне уподобляется кантовскому тирану. «Напротив, при устройстве, в котором подданный не есть гражданин (следовательно, не при республиканском), этот вопрос вызывает меньше всего сомнений, ведь глава [здесь] не гражданин, а собственник государства; война нисколько не лишает его пиров, охоты, увеселений, празднеств и т. п., и он может, следовательно, решиться на нее по самому незначительному поводу как на увеселительную прогулку, равнодушно предоставив всегда готовому к этому дипломатическому корпусу подыскать приличия ради какое-нибудь оправдание» [Там же, 379].

Современные демократические массы нередко получают садистское удовлетворение, наблюдая с безопасного расстояния за «справедливым» насилием, осуществляемым «хорошими парнями» в отношении несправедливых «террористов» по всему миру. Все, что требуется от демократического обывателя, – это смотреть телевизор и хлопать в ладоши. За это удовольствие они, пожалуй, готовы заплатить небольшим снижением доходов и потому неизменно отдают свой голос партиям, призывающим к войне и нанесению превентивных ударов по всему миру. Эндрю Бацевич определил такую установку как «новый американский милитаризм», вызванный «соблазном войны» [Vacevich 2005].

Но современная война не требует большого мужества даже и от солдат подобной «победоносной» армии [Gross 2010]. Этот солдат сыт, одет и обеспечен даже в случае увечья. Его семья получает такое вознаграждение в случае гибели, что его смерть не влечет падения благосостояния. Массовая роботизация войны тоже является одним из факторов снижения потребности в мужестве. Нации, владеющие технологиями, приближаются к «войне без потерь» посредством массового использования боевых роботов. Это обстоятельство кардинальным образом меняет моральную природу войны: «Если политические лидеры не хотят посылать войска, как это было в Ираке, мы можем использовать роботов, чтобы возместить недостаток солдат. Если стратегия противника заключается в том, чтобы обескровить войска и постепенно ослабить общественную поддержку, роботы могут повернуть эту тенденцию в обратную сторону» [Singer 2009, 221].

Другой стороной современной войны стало появление частных военных компаний. Общая экономическая тенденция аутсорсинга затронула армию и грозит изменить лицо войны. Разумеется, наемники не лишены мужества и даже чести, но это совсем другие мужество и честь, и есть все основания полагать, что в случае дальнейшего увеличения роли ЧВК само понятие военной этики будет лишено смысла. Мужество, проявляемое наемником, сопоставимо с мужеством бандита, но не с мужеством солдата национальной армии, поскольку его цель – деньги, а не моральные идеалы. Как отмечает Питер Сингер: «В результате ЧВК имеют двусмысленный статус, если речь идет о морали и этике. Хотя, возможно, будет неправильно и нечестно использовать прямолинейные и однозначные моральные суждения в отношении представителей частных армий. Тем не менее очевидно, что этот феномен следует оценивать по его собственным критериям и в должном контексте» [Singer 2003, 228]. Но оценивать в должном контексте означает как раз переоценку традиционных воинских

добродетелей. Не будет преувеличением сказать, что этический кодекс ЧВК не имеет ничего общего с военной этикой традиционной профессиональной армии.

Если речь идет о чести, которая составляет другую важнейшую добродетель военной этики, то ее следует рассматривать в двух главных измерениях: честь в отношении солдат и честь в отношении гражданского населения противника. Действительно, в немалой степени наше прежнее очарование войной и то, что Кант называет возвышенным, было связано с обаянием этих особых проявлений чести, на которые был способен только истинный воин. В некоторых случаях эта честь не требовала даже особого обоснования, например, Клаузевиц просто принимает ее как должное, как нечто вытекающее из самой природы войны просвещенных государей (совсем иное дело – колониальная война). Некоторые проявления чести, возможные на уровне конвенциональной войны, становятся исключением на уровне реальной войны и совершенно невозможны на уровне войны абсолютной. Если вражда становится абсолютной, она меняет весь характер отношения между субъектами таким образом, что противнику отказывают в наличии субъектности и превращают в объект. Современные войны это не войны людей и не войны против людей, но против «колорадов», «укропов», «ватников» или «террористов», последнее означает хотя и человека, но представляющего воплощение зла, еще худшего, чем вредный объект природы, и потому подлежащего еще более решительному уничтожению. Даже идеал «морального равенства комбатантов» как последнее прибежище и слабый вариант военной чести оказался низвергнут в новейших теоретических построениях теории справедливой войны [McMahan 2009]⁵.

В дополнение к этой объективной деперсонализации противники используют и специальные тактические приемы. Одним из них является террор, другим – попытка, как современное вполне легализованное средство борьбы с террором. Эти формы насилия являются взаимосвязанными и направленными к общей цели – деморализации противника. Первое следует рассматривать как путь слабой стороны современного асимметричного вооруженного конфликта. Второе – как путь сильной стороны. При этом они взаимосвязаны, поскольку выступают как разные стороны коммуникации. Пол Канн утверждает, что этот регистр коммуникации преследует цель не только нанести физический вред, но еще и унижить не только непосредственного противника, но и тех, кто видит в действиях жертвы выражение своих собственных политических ценностей [Kahn 2008].

Таким образом, если нашим врагом является террорист, все дозволено, включая пытки, массовое уничтожение, нарушение договоренностей и, разумеется, антитеррор. Представляется совершенно естественным использовать террор против террористов, в то время как пытка становится лишь актом индивидуального террора в отношении тех, кто ее заслуживает. В любом случае враг лишается статуса «достойного противника». Даже сама «справедливость» современной войны является продуктом абсолютной враждебности и способствует доведению войны до абсолютного статуса. Как утверждает Карл Шмитт: «Современная теория “справедливой войны” нацелена на выделение оппонента ведущего несправедливую войну. Война становится “преступлением” в уголовном смысле и агрессор “нарушителем” а в наиболее крайнем, уголовном смысле, преступником, пиратом» [Schmitt 2003, 26]. Безусловно, что война, предпринимаемая глобальным сувереном, берущим на себя верховную власть, должна быть справедливой по определению. В этих условиях неизбежно лишается смысла не только понятие воинской чести, но и морального равенства комбатантов. Как мы можем убедиться, это происходит не только по причине естественного хода вещей, но также в результате специальных теоретических усилий современной теории справедливой войны.

Если речь идет о чести в отношении noncombatants в рамках принципов *Jus in Bello*, то следует заметить, что главной тенденцией современной войны является неуклонный рост потерь среди noncombatants независимо от того придерживаются ли воюющие стороны принципов пропорциональности и различия. Это рост с 10 до 90%, если за точку отсчета принять войны начала XIX в. Даже так называемые

«умные» и точные формы вооружения ничего не меняют, главным образом потому, что точность создает дополнительный соблазн. Даже современная практика «точечного устранения» (targeted killing) обнаружила чрезвычайно высокий процент так называемого «побочного эффекта», а проще говоря, вместе с устраняемым «террористом» всегда гибнут и случайно оказавшиеся поблизости гражданские лица, причем их намного больше, чем террористов. Трудно сказать, что является здесь причиной: природа современного оружия или абсолютный характер современной войны. Скорее и то, и другое.

Эта общая тенденция особенно впечатляет на фоне противоположной тенденции – неуклонного снижения потерь среди солдат преобладающей стороны современного асимметричного вооруженного конфликта. Даже в том случае, если потери среди гражданского населения сравнительно невелики, соотношение потерь показательно. В Ираке это соотношение достигло 1 к 200, иначе говоря, один погибший американский солдат против 200 погибших иракцев, главным образом, гражданских лиц. Ведение подобного рода войн вряд ли можно назвать большим проявлением чести и в них нет никакого «величия» [Tigman 2011, 3–12]. Старый миф «нежелательных последствий» или «сопутствующего вреда» вряд ли может кого-то обмануть, хотя бы потому, что этот вред чрезмерно велик, пусть намерения и были добрыми.

В результате даже успешная гуманитарная война может быть весьма сомнительной с точки зрения морали. Возьмем бомбардировку Югославии авиацией НАТО в 1999 г. в качестве примера войны, лишенной всякого риска потерь для НАТО [Daalder and O'Hanlon 2000]⁶. Следует заметить, что размер «сопутствующего вреда» в рамках этой гуманитарной операции был шокирующим и люди все еще продолжают гибнуть в результате применения артиллерийских снарядов НАТО, начиненных расщепленным ураном. Но самое главное для нас то, что эта война, как и многие другие, была совершенно лишена для ее инициаторов мужества, чести и доблести, а ее результаты – морального смысла. Это пример военного успеха, но не победы. Возможно, это и есть пример войн ближайшего будущего, в отношении которых термин «победа» вообще не применим.

Цели и смысл войны

Целью войны является победа. Аристотель утверждает: «Так как действий, искусств и наук много, много возникает и целей. У врачевания – это здоровье, у судостроения – судно, у военачалия – победа, у хозяйствования – богатство» [Аристотель 1983, 1094a.10]. Следует различать техническую и нормативную сторону победы. Для Аристотеля не существовало этого различия, как не существовало различия между фактом и ценностью. Различие возникло в эпоху модерна и было доведено до противоречия позитивистами. Все же победа остается одним из тех архаичных терминов, в которых сохраняется неразрывная связь между фактом и ценностью, присущая пониманию древних. Мы можем условно выделить в рамках того, что мы называем победой, ее техническую часть, именуемую успехом, и нормативную часть, собственно победу. Успех в войне сводится к тому, что Клаузевиц определял как «заставить противника выполнить нашу волю». Как мы можем убедиться, успех в применении массового насилия еще не означает победы. В противном случае мы могли бы говорить о победоносном геноциде или терроре. Из всех форм массового насилия победоносной может быть только война, хотя успешной может быть любая из них. Это связано с огромным значением для войны морального фактора.

Строго говоря, победа возможна лишь как сочетание трех нормативных компонентов военного действия: добродетельный мотив, благородные средства и возвышенный смысл. Невозможность победы в современной войне вытекает из отсутствия всех трех компонентов. Мы уже рассмотрели, что происходит с мотивами и средствами, теперь мы рассмотрим, что происходит со смыслом войны. Просто навязать свою волю противнику может означать успех, но не означает победы. Возвышенный смысл войны

может заключаться только в том, что она способствует миру. Такое понимание высшего смысла войны разделяют практически все философы войны и мира, начиная с Августина. Победа может считаться таковой, только если она прокладывает дорогу к устойчивому миру и этот смысл венчает собой как добродетельные мотивы, так и благородные средства. У Канта первая предварительная статья договора о вечном мире между государствами гласит: «Ни один мирный договор не должен считаться таковым, если при его заключении тайно создается основание для будущей войны» [Кант 1994, 357]. С этим положением соглашается и Клаузевиц, который полагает войну способом осуществления политики, а не наоборот, и потому средством достижения мира.

Война, которую осуществляет глобальный суверен, принципиально отличается по своему смыслу и целям от предшествующих войн модерна. Победа в этой войне, строго говоря, невозможна, не только по причине мотивов и средств, о чем говорилось ранее, но и по причине того, что смыслом войны не является более мир и война никогда не завершается миром. Явно сформулированной целью войны в доктрине Буша является расширение демократии, защита прав человека, борьба с тиранией и поддержание безопасности и интересов США по всему миру. Это весьма различные и даже благородные цели, но они не способствуют достижению мира, скорее они напоминают Pax Romana и требуют глобальной полицейской операции для своего поддержания, которая никогда не завершается миром.

Полицейская операция не бывает победоносной по определению, хотя и бывает успешной. Все, чего достигает суверен, согласно Гоббсу, когда он останавливает постоянную войну каждого против каждого, он достигает посредством монополии насилия. Размер насилия при этом вряд ли становится меньше, он становится лишь предсказуемым и целенаправленным. Нечто подобное имеет место и в случае глобального суверенитета, происходит монополизация насилия посредством глобальной полицейской операции. Поскольку целью является не примирение, но именно уничтожение противников глобального режима, такая полицейская операция представляет собой версию абсолютной войны. Средства этой войны весьма разнообразны, это не только и не столько сила оружия, но и провоцирование революций, информационная война, кибер-война, политические убийства и другие средства, направленные на свержение режимов и развитие конфликтов в нужном направлении.

Эти войны представляют собой вариант войн по утверждению ценностей и ничем практически не отличаются от религиозных войн. Проблема заключается в том, что война подобного рода напоминает войну священную – стремление установить ту или иную универсальную религиозную веру, которая, с точки зрения приверженцев, только и может означать полный и окончательный мир. В этом смысле конфликт между ИГИЛ и США основан на принципиальном неразрешимом противоречии фундаментальных политических теологий и потому не может быть разрешен. Обе разновидности фундаментализма предполагают абсолютную войну до полного уничтожения. Обе представляют собой разновидности манихейства, рассматривающего мир как поле битвы между добром и злом. В этом смысле консервативный либерализм и исламский фундаментализм мало чем отличаются между собой. Перманентная война является необходимым следствием обеих идеологий.

Я называю описанный выше процесс моральной трансформации войны не иначе как деградацией. Это оценочное суждение, которое требует нормативных критериев. Критерием оценки для меня в данном случае является роль общественного разума в международных делах, связанных с регулированием конфликтов и войн. Я полагаю, что эта роль становится незначительной. Война должна быть мотивирована разумом, быть проявлением мужества и чести и иметь мир в качестве своего смысла. Война, которую мы рискуем получить, является прямой противоположностью такому идеалу. Помешать этому процессу может, помимо всего прочего, уточнение нормативных концепций войны. Господствующая на Западе теория справедливой войны не может выполнить эту задачу, поскольку сама выступает как идеал, метод и инструмент глобальной и перманентной войны.

Примечания

¹ Что само по себе может быть не так уж и плохо, поскольку мораль не столько сдерживает, сколько провоцирует войну.

² Кокер полагает, что внедрение робототехники и биотехнологий позволит не только исключить потери среди не комбатантов, но и позволит вернуть войне элемент игры, дуэли, индивидуального риска и персональной ответственности.

³ Я хочу подчеркнуть, что эта статья не есть критика военной политики США или иного конкретного государства, но общей тенденции к образованию глобального суверенитета и связанного с этим процесса деградации войны.

⁴ Эту линию продолжает и Клаузевиц, когда говорит о триединстве духовных сил войны, состоящих из правительства, армии с ее полководцем и народа.

⁵ МакМахан утверждает, что несправедливые комбатанты лишены даже права сопротивления справедливым комбатантам и могут быть преследуемы по закону даже за попытку сопротивления.

⁶ Авторы утверждают, что несмотря на успех НАТО в этой войне, война является весьма сомнительной с моральной точки зрения, поскольку при наличии большого количества разрушений и потерь среди гражданского населения, армия НАТО не продемонстрировала ни малейшего желания рисковать жизнью своих солдат для спасения тех, кого она якобы спасала от сербской тирании.

Источники и переводы – Primary Sources and Russian Translations

Аристотель 1983 – *Аристотель. Никомахова этика* // Аристотель. Сочинения в четырех томах. Т. 4. М.: Мысль, 1983 (Aristotle. *Nicomachean Ethics*. Russian translation).

Кант 1994 – *Кант, Иммануил. К вечному миру* // Иммануил Кант. Сочинения на немецком и русском языках. Т. 1. М.: Ками, 1994 (Kant I. *Zum ewigen Frieden*. Russian translation).

Клаузевиц 1934 – *Клаузевиц, Карл фон. О войне*. М.: Госвоениздат, 1934 (Clausewitz C. *Vom Kriege*. Russian translation).

References

Bacevich, Andrew (2005) *The New American Militarism. How Americans are Seduced by War*, Oxford University Press, Oxford.

Baudrillard, Jean (2003) *The Spirit of Terrorism and Other Essays*, Verso, London.

Benoist, Alain de (2013) *Carl Schmitt Today: Terrorism, “Just” War, and the State of Emergency*, Arktos, London.

Coker, Christopher (2004) *The Future of War. The Re-Enchantment of War in the Twenty-First Century*, Blackwell Publishing.

Daalder, Ivo H. and O’Hanlon, Michael E. (2000) *Wining Ugly: NATO’s War to Save Kosovo*, Brookings Institution Press, Washington.

Ehrenreich, Barbara (1997) *Blood Rites. Origins and History of the Passions of War*, Henry Holt and company, New York.

Gat, Azar (2006) *War in Human Civilization*, Oxford University Press, Oxford.

Gross, Michael (2010) *Moral Dilemmas of Modern War. Torture, Assassination, and Blackmail in an Age of Asymmetric Conflict*, Cambridge University Press. Cambridge.

Hardt, Michael and Negri, Antonio (2004) *Multitude: War and Democracy in the Age of Empire*, Penguin Books, New York.

Kahn, Paul W. (2008) *Sacred Violence. Torture, Terror and Sovereignty*, The University of Michigan Press, Ann Arbor.

Kaldor, Mary (2012) *New and Old Wars*, Polity Press, Cambridge.

Lebow, Richard Ned (2010) *Why Nations Fight. Past and Future Motives for War*, Cambridge University Press, Cambridge.

McMahan, Jeff (2009) *Killing in War*, Clarendon Press, Oxford.

Mueller, John (2004) *The Remnants of War*, Cornell University Press, Ithaca and London.

National Security Strategy of the United States of America (NSS) web,: www.whitehouse.gov/nss.pdf.

Schmitt, Carl (2003) *The “Nomos” of the Earth in the International Law of the “Jus Publicum Europaeum”*, Telos Press, New York.

Singer, Peter W. (2003) *Corporate Warriors. The Rise of the Privatized Military Industry*, Cornell University Press, Ithaca, NY.

Singer, Peter W. (2009) *Wired for War*. The Robotics Revolution and Conflict in the 21st Century, The Penguin Books, New York.

Tirman, John (2011) *The Deaths of Others. The Fate of Civilians in American Wars*, Oxford University Press, Oxford, New York.

Сведения об авторе

КАШНИКОВ Борис Николаевич – доктор философских наук, профессор школы философии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Член совета директоров Европейского международного общества военной этики (www.euroisme.eu).

Author's Information

KASHNIKOV Boris N. – DSc in Philosophy, Professor at National Research University “Higher School of Economics”. Member of the board of directors of the European International Society for Military Ethics (www.euroisme.eu).